

ОСОБЕННОСТИ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ФИТОНИМАМИ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Дзуганова Рита Хабаловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ Федеральный научный центр – «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dzug.rita@yandex.ru

Ошроева Карина Вячеславовна, ассистент кафедры иностранных языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», karinzal@yandex.ru

В статье рассматриваются компаративные фразеологические единицы в кабардино-черкесском языке, содержащие фитонимические компоненты. Выявление национально-культурных признаков через фитонимические элементы, ориентированные на человека, больше всего проясняет связь человека с природой. В компаративных фразеологизмах через фитонимы передаются самые разнообразные коннотации, как положительные (силу, нежность, красоту, хрупкость), так и отрицательные (слабость, алчность, нерешительность, грубость, вспыльчивость, одиночество). Основной упор в работе делается на компаративные фразеологизмы с концептом *жыг* «дерево». Анализ материала проводится в русле художественного дискурса.

Ключевые слова: компаративные фразеологизмы, фитонимы, кабардино-черкесский язык, культурологический аспект, сравнительный оборот.

В современной науке общепризнанным является факт, что изучение кавказских языков помимо собственно лингвистического аспекта важное значение имеет и в культурологическом аспекте, поскольку, отражая контакты Кавказа с цивилизациями Передней Азии, оно способно пролить свет на культурное взаимодействие населявших их народов [Климов, Тестелец 2003: 15].

В русле лингвокультурологического пути выявления национального компонента фразеологии важными являются эталонизированные, либо получившие символическую функцию реалии, прескрипции и директивы культуры, закрепленные в фольклоре и других типах дискурсов. Такие реалии получили название «*источники культурно-значимой интерпретации фразеологизмов*» [Телия 1996: 239]. В языке закрепляются и фразеологизируются те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и которые при употреблении в речи воспроизводят менталитет, характерный для той или иной лингвокультурной общности [Мельник 2001: 87].

По мнению многих ученых-исследователей [Верещагин, Костомаров: 85], семантический аспект национально-культурных элементов фразеологических единиц с фитонимами может проявляться на трех уровнях:

1. Фразеологические единицы, отражающие национальную культуру нерасчлененно, т.е. идиоматическими значениями, например, в русском языке: «мешок с соломой» – нерасторопный, глуповатый человек. Ср. в кабардино-черкесском: *цхъэкъэб* «голова как тыква» – пустая голова, тупоголовый.

2. Фразеологические единицы, выражающие национальную культуру расчленинно, т.е. единицами своего состава. В состав фразеологизмов этой группы могут входить архаизмы, безэквивалентная лексика и т.д., например: в русском «почивать на лаврах» – наслаждаться результатами достигнутого. Ср. в кабардино-черкесском: в компаративные фразеологизмы часто включаются названия растений, типичных для данной флоры *пЫрыпI гьэщам хуэдэу* «надутый как **физалис**» – нежный, холеный. Ср. на материале: *ПЫрыпI гьэщам ещхь Iэпхуамбэхэр* «пальчики подобно физалису» – ассоциация с физалисом означает, что ручки «пухленькие», «мягкие», «холенные». Ср.: *Гуащэм и нэщхьыр зэхэукIащи, ...пЫрыпI гьэщам ещхь и Iэпхуамбэ кIэщI цIыкIухэр мэпIэжъяжъэ* [Къашыргъэ 1976: 68]. «Княгиня явно злится, ... ее **маленькие пухлые пальчики** трясутся...».

3. Фразеологические единицы, в основе которых лежит отражение национально-культурных элементов семантики в прямом значении. В русском языке «под хмельком» – быть навеселе (о состоянии легкого опьянения).

Фразеологические и дискурсные исследования получают признание в российской науке именно потому, что данные научные парадигмы обращены, прежде всего, «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова 2004: 11].

Во фразеологическом корпусе и паремиологическом ресурсе кабардино-черкесского языка содержатся большое количество фитонимических компонентов, ориентируемых на человека. Фитонимические элементы в компаративных фразеологизмах исследуемого языка символизируют связь человека и природы. Компаративные единицы выбираются носителями языка в зависимости от особенностей человеческого мышления, от восприятия ими внешнего и внутреннего мира. Ассоциативность их мышления зависит от объектов, находящихся в непосредственной близости от человека, то есть речь идет о растительном мире.

Сравнения с помощью выразительных средств языка является одним из важных источников знаний человека о мире. Наряду с идентификацией, сравнение входит в разряд основных ментальных операций.

Таким образом, анализируя сравнительные конструкции, содержащие фитонимические элементы в кабардино-черкесском языке, данное исследование призвано расширить представление о сравнении как об особо важном изобразительном средстве языка. Поскольку одним из многих способов достижения выразительности в художественной речи является сравнение, сравнительные обороты с фитонимами нами выбраны для анализа из художественных текстов кабардинских и черкесских писателей.

Интересным с точки зрения выявления национально-культурных признаков представляется корпус фитонимов, ориентируемых на человека, связанных с концептом *жыг* «дерево». Компаративные фразеологизмы с анализируемым концептом трансформируют различные признаки, свойственные человеку: «силу», «слабость», «нежность», «хрупкость», «грубость», «вспыльчивость», «одиночество», «нерешительность», а также разные формы. Обратимся к анализу. Например, *тхуей кIащIэм хуэдэу* «сильные как побеги граба» характеризует отличное физическое состояние – «силу». *Тхуей кIащIэм хуэдэу лъэщ и IэщхуитIымкIэ Iэбэщ Хьэбалэри, мо цIалэ псыгъуэр уанэгум къричри кърихьэхащ...* [Нало 1981: 86]. «**Сильными, как побеги граба**, руками Хабала снял худого паренька с седла...».

Сравнительный оборот *пцIащэ цIынэ цIыкIум ещхьу* «как первые свежие листочки» передает состояние тревоги и нерешительности – «первую любовь» (нежность, хрупкость). *Гьатхэтэ акъужьым игъэщхьыщхь пцIащэ цIынэ цIыкIум ещхьу кIэзызу, таучэлынишэу япэ фIыльбагъуныгъэр къыщысхуэкIуащ...* (жеIэ Мадинэ) [Абазэ 1994: 15]. «Тревожная и нерешительная я (Мадина) дрожала, как **первые весенние листочки на ветру**, когда пришла ко мне первая любовь».

В художественных произведениях часто встречаются в одном предложении противоположные сравнения: первое – *цихум хуэдэу кӀыхь* «высокий как тополь» – худой и высокий; другое – *жыгейм ецхьу лӀахьшэ* «низкий как дуб» – толстый и низкий. *Алий ... цихум ецхьу, псыгьуэ кӀыхьт; Хьэжы жыгейм ецхьу лӀахьшэ гьумт* [Нало 1981: 123]. «Али был худой и тонкий как тополь, Хаджи – толстый и короткий, как дуб».

При использовании антонимичных сравнительных оборотов, содержащих фитонимы, передаваемый образ вырисовывается более ярко и запоминается легче. Так, например, *кӀащӀэ дахэ* «гибкий, красивый побег» – с чем автор сравнивает молодую, пластичную, хрупкую девушку, тогда как через *жыгыжъ кьуабэбжъабэ* «заросшее старое дерево» писатель передает «грубость», «неуклюжесть». Ср.: *Хьусин жыгыжъ кьуабэбжъабэм, ар (Ланэ) кӀащӀэ дахэт, дыгьэм зыхуишиуэрэ псынцӀэу дэжэяэу* [Нало 1981: 99]. «Если Хусин был как заросшее дерево, то Лана – скороспелка, как красивый, гибкий побег».

Весьма *вспыльчивый* характер описывает писатель целым сравнительным выражением, где содержится часть фитонима *жыг* «дерево» – *фэтыджэн ирагьэфа уэдыгьей гьурыр мафӀэм дрилытцӀейм хуэдэу* «подобно тому, как сухие щепки сосны, залитые керосином, горят в огне». Например: *Совет кьызэцӀонлэ, кьызэцӀонэ, фэтыджэн ирагьэфа уэдыгьей уксахуэ гьурыр мафӀэм дрилытцӀейм хуэдэу, кьызэцӀолыдэри, кьожалэ цтӀэцӀтаблэу цыс цӀалэ хьарып цӀыкӀум* [Хьэх 2013: 172] «Совет рассвирепствовалась, подобно тому, как сухие щепки сосны, залитые керосином, горят в огне, разгневалась и подбежала к бедному, съезжившемуся мальчику».

Сильный гнев и негодование передается через компаративный фразеологизм *дакьэжъ мафӀэу кьызэцӀэнэн* «разгореться как огонь из старого пня» – самый сильный, жаркий огонь. (*Пцыр*) *Кьогубжъ, дакьэжъ мафӀэу кьызэцӀонэ: Елым-еӀыж, мы сэ си пцӀкӀэ кьакӀуэу мы сэ кьыхуеплӀыхьу кьэтысар хэт и псэжъ! – жеӀэри* [Жылау 1995: 129]. «Кто этот негодник, который посмел поселиться выше моих владений, – разозлился он (князь), как огонь из старого пня».

Фитонимы, включаясь в состав фразеологических единиц, утрачивают связь с конкретным объектом и приобретают новые коннотации. Так, сравнение *зи кьудамэхэр гуэмытыж жыгыжъ гьуам ецхьу* «подобно обрубленному, высохшему дереву» символизирует «одиночество», «бессилие», «беспомощность», можно сказать, «гибель». Ср., например: *Езы Гумэт лыжъ гьурышхуэр зи кьудамэхэр гуэмытыж жыгыжъ гьужам ецхьу цытт, псэ зэрыхэтыр кьэзыгуатэр и пцэ псыгьуэ кӀыхьыр лӀэныкьуэ-лӀэныкьуэкӀэ зэрыхишиикӀырт* [Дыгьужь 1983: 48]. «Сам старик Умат стоял, как обрубленное, высохшее дерево, иногда поворачивал голову – это давала возможность догадаться, что в нем еще теплится жизнь».

Ассоциацию человека с растительным миром мы наблюдаем в сравнении *мафӀэм ирагьэуа тхьэрыкьуэфым ецхьу* «похожий на лопух, опаленный пламенем». Ср., например: *КьарууфӀ зыгьэдэлъ, иджыри жыгыгьэр апхуэдизу зэмытцӀэфыӀа, зи жьауэм куэдрэ цӀэтыну и гугьа и адэр шэнтжъей щабэм здисым, мафӀэм ирагьэуа тхьэрыкьуэфым ецхьу, и пкьыр цӀэлӀэри зэфӀэмэхац ...* [МафӀэдз 2003: 124]. «Отец его, еще не совсем старый и полный сил, сидел в кресле, как вдруг будто лопух, опаленный пламенем, потерял сознание».

Поскольку быт адыгов (черкесов и кабардинцев) тесным образом связан с сельскохозяйственными культурами, они часто находят отражение в компаративных фразеологизмах. Так, например: *мэши бэв и пхыру* «подобно снопу урожайного проса». *ИкьукӀэ гузуу лэжъакӀуэм Бжыгьэ мылӀытэр хэцӀац, Зауэ цӀэбэгьу пцыжъ куэди Мэши бэв и пхыруэу джэлац* [ЩоджэнцӀыкӀу 2000: 115]. «Очень печально погибли в бою много рабочих, также упали на землю много поджигателей войны, подобно снопам урожайного проса».

Сравнение, содержащее подобный фитонимический элемент, может выступать с привативным значением в паремиологическом фонде исследуемого языка, подчеркивая глубокое проникновение компаративных фразеологизмов в сознание данного этноса. Ср. на примере: *Зи хуцхьэ хьум я бзуц* [Псальэжь] «Он птица тех, у кого поспело просо» (букв.). Другими словами, тот общается с состоятельными, преследует личные цели. Таким образом, в данной пословице, используя фитоним ху «просо, рожь», передается негативное качество, поведение или свойство человека – «алчность, стяжательство».

Между тем, подобные фитонимические элементы в компаративных фразеологизмах могут передавать также и положительные коннотации, относящиеся к отдельным частям тела человека. Так, например, автор с любовью описывает портрет казака, сравнивая цвет его усов с золотистым цветом созревших колосьев: *и гьуэ нэса ицхьэмыж дыцафэм ецхьу* «цвета спелых колосьев», то есть золотистого цвета. *И гьуэ нэса ицхьэмыж дыцафэм ецхьу, пацлэ дахэишуэ зытет къэзакъ сэлэт фафлэр Изфраклэклэ елунцлэт къыбгъэдэт сэлэт сырыху къуэгьум, езым ильагьур адрейм имылъагьу хуэдэ хуигъэцлэагьуэт...* [Дыгъужь 2011: 142]. «Симпатичный казак с красивыми усами, похожими на созревшие золотистые колосья, подталкивал рыжего худого солдата, стоявшего рядом, будто тот не видел происходящее».

Сравнение по цвету наблюдается и в сочетании *и нитлыр мэраклуацлэм ецхьу* «глаза цвета ежевики». Ср.: *Ар сыт хуэдэу хьыджэбз зэклэлыклуэт езыр (Мудэвейхэ я пхьур), и нитлыр мэраклуацлэм ецхьу флыцабзэу* [Нало 1981: 68]. «Она (Мудавеева) была такая ладная девушка, глаза черные как цвет ежевики».

Портрет веселого, жизнерадостного старичка писатель рисует в сравнительном обороте, используя часть фитонима – плод: *флыуэ ягъэгьуа кхьужь цлыкълум хуэдэу и нэжьгъхэр зэлат* «его глазницы были сморщены, как хорошо высушенные груши-дички». Ср., например: *Гушылэ зэрыфлэфл, гушылэрейуэ, дыхэ-ихрилэу зэрыщытым ицхьэклэ, куржы лыжьшым и нэжьгъитлри гъэ ежьа, флыуэ ягъэгьуа кхьужь цлыкълум хуэдэу зэлат* [Мафлэдз 2003: 105]. «Из-за того, что старик-грузин любил много шутить и смеяться, глазницы его были сморщены как хорошо высушенные груши-дички».

Компаративный фразеологизм *шыбжгий зышхам хуэдэу* «подобно тому, кто съел перец» передает состояние тревоги: не зная куда бежать. Ср.: *Нахьуэ джэгумэ и джэгуклэр псоми яцлэрт: «Согъэцл, дэп уэзмыгъэишым, мафлэр къыплурьлэгуэ», – жилэнти игу иримыхьыр, шыбжгий зышхам ецхьу, цлэгъэлэнт ...* [Кышчокъуэ 2005: 87]. «Если Нахо шутил, то все знали его манеру: «Клянусь, я заставлю тебя съесть уголь так, чтобы сыпались искры», – говорил он тем, кто ему не нравился, и они убегали прочь, **подобно тому, кто съел перец**».

В художественных текстах в кабардино-черкесском языке часто встречаются сравнения *и нэпсыр джэшым хуэдэу* «слезы как фасоль», т.е. «крупные». Ср.: *Зи нэпсыр джэшым хуэдэу къецицэх нанэм цылулгэм, Хьызыр и нэгум къыцлэувэжацл Къундуз и цлалэ нэхьыжьыр, езым и гьусэу армэм яшауэ цытар ...* [Журт 1997: 110]. «Когда Хизир увидел бабушку, с лица которой катились **слезы словно фасоль**, он вспомнил, как сам со старшим сыном Кундуз отправился в армию».

Итак, осуществление антропоцентрического подхода к языку предполагает более углубленное исследование роли человека в языке. В компаративных фразеологизмах кабардино-черкесского языка, содержащих фитонимические элементы, мы наблюдаем художественное отражение народного мышления. В работе основной упор делается на концепт *жыг* «дерево» в компаративных фраземах, хотя отмечаются и другие особенности некоторых растений, а также их части – плоды. Все это дает возможность выявить ряд отличительных, уникальных особенностей национального характера адыгов (кабардинцев и черкесов): определить их

поведение, отношение к другим людям, их поступки и, наконец, представить себе портрет самого человека. Таким образом, через фитонимы, находящие отражение в компаративных фразеологизмах, формируются определенные ментальные образцы, играющие существенную роль при описании человека в определенном лингвокультурном сообществе.

Дальнейшие перспективы исследуемой темы видим в выявлении сравнительных оборотов с фитонимами в паремиологическом фонде, а также в мифологемах кабардино-черкесского языка.

Источники и литература

1. *Абазэ Л.* Анэм и джэ макъ // Бжыхьэ нэпсхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. 280 н.
2. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
3. *Дыгъужь Къу.* Щымахуэ лэгъупыкъу. Черкесск: «Къэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапIэ», 2011. 174 н.
4. *Дыгъужь Къу.* Бжыхьэ псыдзэ: роман. Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ, Къэрэшей-Шэрджэс отделенэ, 1983. 216 н.
5. *Елгъэр К.* Жэщ дыгъэ. Налшык: Эльбрус, 1976. 348 н.
6. *Журт Б.* Мэрэмжъей. Налшык: Эльбрус, 1997. 440 н.
7. *Жылау Н.Хь.* Щэнгъасэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 273 н.
8. *Климов Г.А., Тестелец Я.Г.* Словарь кавказских языков. М.: Восточная литература, 2003. 515 с.
9. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук, Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
10. *Кыщокъуэ А.П.* Мазэ ныкъуэ щхъуантIэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Т.3. Налшык: «Эльбрус», 2005. 752 н.
11. *Къашыргъэ Хь.* ПшэкIухь. Налшык: Эльбрус, 1976. 378 н.
12. *МафIэдз С.Хь.* Мыхъур, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2003. 344 н.
13. *Мельник Л.В.* Культурно-национальная коннотация украинских фразеологизмов. Луганск, 2001. 206 с.
14. *Нало З.М.* Къру закъуэ. Налшык: Эльбрус, 1981. 398 н.
15. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 287 с.
16. *Хьэх С.* Лягъуэр гъуэгум хуокIуэ. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.
17. *ЩоджэнцIыкIу А.А.* Тхыгъэхэр. Налшык: «Эльбрус», 2000. 432 н.

FEATURES OF COMPARATIVE PHRASEOLOGISTS WITH PHYTONIMS IN THE KABARDINO-CHERKASSIAN LANGUAGE

Dzuganova Rita Habalovna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Kabardino-Circassian Language of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dzug.rita@yandex.ru

Oshroeva Karina Vyacheslavovna, Assistant of the Department of Foreign Language Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov», karinzal@yandex.ru

The article deals with comparative phraseological units in the Kabardino-Circassian language, containing phytonymic components. Revealing of national and cultural characteristics through phytonymic elements, oriented towards a person, most of all clarifies the connection between a person and nature. In comparative phraseological units, phytonyms convey a variety of connotations, both positive (strength, tenderness, beauty, fragility) and negative (weakness, greed, indecision, rudeness, irascibility, loneliness). The main emphasis in the work is made on

comparative phraseological units with the concept of “tree”. The analysis of the material is carried out in line with artistic discourse.

Keywords: comparative phraseological units, phytoonyms, Kabardino-Circassian language, culturological aspect, comparative turnover.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-76-81